

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ В СТРУКТУРЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Чтобы понять историю, недостаточно знать каковы вещи, надо знать, каким образом они стали таковыми.

Ф. Боас.

Сложная и весьма ответственная работа по созданию первого марксистского академического словаря основных понятий и терминов этнографии, проводимая совместно в последние годы учеными СССР и ГДР, уже на данном этапе подвела определенный итог развитию понятийно-терминологического аппарата нашей науки, в котором вскрылись существенные лакуны. Выявились также различия в подходе ряда видных этнографов-марксистов к некоторым важным проблемам этнографии. К дискуссионным относится и вопрос о соотношении истории и этнографии — одна из основных тем опубликованной статьи Ю. В. Бромлей и М. В. Крюкова¹.

Существует мнение, что марксистская этнография является целиком исторической наукой в силу присущего ей историзма, который, как известно, требует рассматривать каждое явление исторически, в связи с конкретным опытом истории². Однако нетрудно заметить, что подобная постановка вопроса лишена строгой логики, так как универсальный диалектико-материалистический принцип историзма распространяется не только на историю, но и на другие науки, изучающие общество и природу, — на философию и филологию, экономику и правоведение, географию и геологию и др. В этом смысле историзм, разумеется, присущ и марксистской этнографии в целом, но нельзя не согласиться с авторами статьи в том, что в предметной области этнографии есть исследовательские зоны, выходящие за пределы собственно исторической науки (с. 47), понимаемой, что также хорошо известно, как наука о прошлом человечества.

Ю. В. Бромлей и М. В. Крюков несомненно правы также в том, что историческая этнография — важнейший раздел этнографической науки и является «существенным компонентом общен исторического знания» (с. 48). Они отмечают также, что этот раздел этнографии «включает прежде всего этническую историю» (там же). Такая формулировка предполагает, что предметная область исторической этнографии не исчерпывается этнической историей, но далее, к сожалению, этот вопрос не уточняется. Между тем он заслуживает особого внимания, так как до сих пор содержание понятия «историческая этнография» остается неопределенным и трактуется по-разному, хотя сам термин прочно вошел в современную научную литературу и широко используется. Приведу несколько примеров.

В учебнике «Основы этнографии», опубликованном в 1968 г. под редакцией С. А. Токарева, историческая этнография определена как «особая часть этнографии», занимающаяся изучением «древних и вымерших народов»³. Видимо, по этой причине в своем фундаментальном труде,

¹ См. Сов. этнография. 1987. № 3.

² Так, по мнению С. А. Токарева, «вместе с другими общественными науками этнография составляет часть исторической науки в широком смысле этого термина. Энгельс говорил, что вообще существует только одна наука — история, и она делится на две главные ветви — историю природы и историю людей. Этнография — одна из чисто исторических наук» (Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958. С. 8).

³ Токарев С. А. Введение // Основы этнографии / Под ред. С. А. Токарева. М., 1968. С. 8.

посвященном этнографии современных народов СССР⁴, С. А. Токарев таким термином не воспользовался. Если же мы обратимся к многочисленным работам, специально посвященным, судя по названиям, исторической этнографии⁵, то обнаружим, что в основном исследуются в них не только и не столько «древние и вымершие» народы, а народы, ныне живущие. Так, в монографии Т. А. Жданко рассматривается родоплеменная структура и расселение каракалпаков в XIX—начале XX в. В книге Р. Г. Кузеева анализируются преимущественно вопросы дореволюционного хозяйства, родоплеменной структуры, этнической истории и исторической демографии башкирского народа. В университетском учебнике С. П. Полякова, посвященном исторической этнографии Средней Азии и Казахстана, речь идет и о древних жителях этого обширного региона, начиная с каменного века, и об этнографии его коренного населения вплоть до начала XX в. Следует отметить, что и в информационных рубриках ведущих научных библиотек страны (Гос. библиотека им. В. И. Ленина, Гос. историческая библиотека и др.) и ряда опубликованных библиографических указателей⁶ выделена «историческая этнография», хотя содержание этой рубрики не везде одинаково.

Впрочем, несмотря на определенные различия в понимании предметной области исторической этнографии, авторы указанных выше книг видят в ней раздел этнографической науки, изучающий только прошлое народов мира. Можно полагать, что именно ради этого термин «историческая этнография» вводился в названия их трудов. Единственное, пожалуй, исключение — межвузовский сборник «Историческая этнография: традиции и современность», в котором наряду с характеристикой древних культур на основе археологических памятников, освещаются и проблемы современности, включая их прикладные аспекты (статья В. П. Дьяконовой о новом быте алтайцев и тувинцев и статья Г. Н. Грачевой о коренных народностях Таймыра⁷).

Неопределенность термина, видимо, побуждает некоторых этнографов вообще отказаться от его употребления. Так, например, он не упомянут в учебном пособии Р. Ф. Итса «Введение в этнографию», хотя там содержится специальный раздел о понятийном аппарате этнографии⁸. М. А. Членов, предложив свою схему членения этнографической науки, также не включил в нее историческую этнографию (попутно отметим, что в этой работе он подверг критике взгляд на этнографию как на часть исторической науки)⁹. Не выделяется «историческая этнография» и в рубриках библиографических изданий Института этнографии АН СССР¹⁰, журнала «Советская этнография», в каталогах библиотеки этого Института.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры.

⁵ Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в. М.; Л., 1950; Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1974; Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976; Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978; Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. Хозяйство, социальная организация, этническая история. М., 1980; Историческая этнография: традиции и современность. Л. 1983; Фольклор и историческая этнография; Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986; Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1986, и др. работы.

⁶ См., например: Титова З. Д. Библиография русских библиографий по этнографии народов СССР (1851—1969). М., 1970.

⁷ Историческая этнография: традиции и современность. С. 19—31.

⁸ Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974.

⁹ Членов М. А. О внутреннем членении этнографической науки (применительно к целям научной информации) // Актуальные проблемы этнографии. М., 1973.

¹⁰ См., например: Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Л., 1967.

Все это и предопределило известные трудности при работе над статьей об исторической этнографии для «Словаря», которая была написана мною. При ее подготовке я исходил из того, что к исторической этнографии следует отнести всю часть предметной области этнографии, которая входит в рамки исторической науки, за исключением, разумеется, самостоятельного раздела, изучающего историю этнографии как науки.

Таким образом, историческая этнография как особый раздел (дисциплина) этнографической науки включает ряд субдисциплин, изучающих этногенез, этническую историю, этнографию исчезнувших этносов, генезис и историю традиционных форм народного быта и культуры (в доклассовом обществе — всей культуры в широком смысле этого слова), формирование и эволюцию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей.

Сказанное выше позволяет заключить, что изучение «древних и вымерших народов», которое С. А. Токарев считал единственной задачей исторической этнографии, является лишь частью исследовательской зоны этого раздела нашей науки, образуя особую субдисциплину — палеоэтнографию. Последний термин уже давно вошел в этнографическую науку, хотя нередко его относили лишь к археологическим исследованиям, проводимым этнографическими учреждениями, причем и тогда, когда палеоэтнографическая проблематика даже не ставилась.

Предметная область исторической этнографии включает также исторические исследовательские зоны таких пограничных разделов этнографии как этноискусствознание, этнопсихология, этнолингвистика, этнодемография, этногеография и др.

Может возникнуть вопрос, не следует ли отнести к исторической этнографии также и полевые исследования исчезающих форм народного быта и культуры, которые характеризуют главным образом реалии XIX — начала XX в., или даже пережитки более древних эпох вплоть до первобытности? Строго говоря, если эти пережиточные явления старотрадиционной культуры изучаются у населения (пусть даже их хранит лишь память глубоких стариков) — все они так или иначе живут в современности («живая старина») во всей сложности ее связей с прошлым. Это отнюдь не противоречит тому, что целенаправленные полевые исследования пережиточных форм быта и культуры проводятся прежде всего для разработки вопросов исторической этнографии и служат важнейшим компонентом ее источниковедческой базы.

Таким образом, *историческая этнография* — это одна из важнейших дисциплин нашей науки наряду с *этнографией современности* (включающей также прогнозирование этнических процессов вплоть до отдаленного будущего), *теоретической этнографией* (система основных идей науки, включая теорию этноса) и *научно-вспомогательными разделами* (методика полевых этнографических исследований, этнографическое музееведение и др.), и *историей этнографии* как науки.

Говоря о современных исследованиях в области исторической этнографии, нельзя не обратить внимания на весьма существенные различия в степени разработки входящих в нее субдисциплин. Например, изучению отдельных сторон традиционной культуры народов СССР в конце XIX — начале XX в. посвящены многочисленные статьи, диссертации, книги. Обычно они именуются «историко-этнографическими» исследованиями, но очень важные для исторической этнографии проблемы генезиса, истории тех же форм культуры — рассматриваются крайне редко; их характеристики, данные на синхронном уровне, ограничиваются, как правило, концом XIX — началом XX в. Аналогичная картина наблюдается и с изучением хозяйственно-культурных типов в глобальном и региональном масштабах. Их характеристики, структуры, синхронные типологии достаточно полно разработаны, но конкретные вопросы генезиса основных хозяйственно-культурных типов почти не изучаются. Между тем, казалось бы, именно в таких работах должен был проявить себя подлинный историзм исторической этнографии (да извинит меня

читатель за кажущийся каламбур), но его-то и нет. Работ советских этнографов, посвященных культурно-генетической проблематике крайне мало, они насчитываются единицами.

Причины серьезного отставания культурно-генетических исследований достаточно сложны и вряд ли могут иметь однозначное объяснение. Но одна из основных, на мой взгляд, восходит к сложившейся еще на рубеже XX в., в особенности в западной науке, недооценке и даже отрицанию возможностей культурно-генетического направления в этнографии. Как известно, это направление берет начало в трудах эволюционистов XIX в., впервые обратившихся к историческому изучению народной культуры, закономерностей ее развития и генезиса отдельных ее компонентов. Однако теория эволюции человеческой культуры, так ярко отраженная в работах Э. Тэйлора, Д. Фрэзера, Л. Моргана и других ее исследователей, с их представлением о прогрессе как основе развития подверглась в условиях реакции буржуазной философии на марксизм в конце XIX — начале XX в. критике со стороны ряда школ и направлений в этнографии. Ф. Боас, последователи его «исторической школы», «диффузионисты», «функционалисты» и представители других направлений во многом справедливо критиковали слабые стороны однолинейного эволюционизма. Вместе с тем Боас разработал ряд очень важных методических вопросов изучения генезиса народной культуры, совершенствования методики полевых исследований, о чем идет речь в обсуждаемой статье (с. 51—54). Ему принадлежит яркий афоризм: «Чтобы понять историю недостаточно знать, каковы вещи, надо знать, каким образом они стали таковыми»¹¹. Однако противопоставление Боасом закономерностям исторического процесса релятивистской концепции множественности уникальных этнических культур, их многолинейного развития, по существу, отказ от сравнительного метода, недооценка этнографических фактов для реконструкции культурогенеза привели в конечном счете к тому, что исследования его и его учеников не позволили создать сколько-нибудь цельной картины генезиса культур народов мира, к чему он неоднократно призывал и искренне стремился. Об этом парадоксе творчества Боаса удачно выразился К. Леви-Строс: «...тем же, кто упрекает его в том, что он не воссоздал историю той или иной стороны цивилизации, чему тем не менее была посвящена большая часть его жизни, он дает следующий героический ответ: к сожалению, мы не располагаем ни одним фактом, который пролил бы свет на развитие в этих областях»¹². Впрочем, надо, увы, признать, что думал так не один покойный Боас — таково же мнение и многих ныне здравствующих этнографов Запада (да и не только их!), увлеченных структурализмом, системно-типологическими и другими новыми направлениями в этнографии. Вместе с тем при характеристике современной западной этнографии (и социальной антропологии) нельзя не сказать о наметившемся еще в 1930-е годы в США и связанном с именем Л. Уайта¹³ все более усиливающимся интересе к культурно-генетической проблематике. Одним из многих современных примеров тому могут служить труды западногерманского этнографа и историка К. Йеттмара¹⁴.

¹¹ Boas F. The Methods of Ethnology//American Anthropologist. 1920. Vol. 22. № 4.

¹² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 13.

¹³ Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 198 и сл.

¹⁴ Библиографию см.: Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 493—495; South Asia Institute: The Second Decade. Heidelberg, 1984. P. 33—36. В статье мы не рассматриваем различные современные историко-социологические направления в западной культурологии, в том числе и так называемое «сравнительное изучение цивилизаций», восходящее к трудам О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др., которые по существу не имеют прямого отношения к рассматриваемой нами проблеме. Об этих направлениях см.: Мыльников А. С. «Сравнительное изучение цивилизации»: некоторые вопросы критического анализа современных западных концепций мирового культурно-исторического процесса//Актуальные проблемы этнографии и современная буржуазная наука. Л., 1979.

С другой стороны, нет смысла замалчивать тот факт, что и некоторые видные советские этнографы также испытали известное влияние западных антиэволюционистских концепций. Это достаточно выпукло проявляется, например, не только в ранних трудах В. Г. Богораза, но и в его работах 1920-х годов, в особенности, в опубликованном университетском курсе, читанном им в 1926—1927 гг.¹⁵ Нельзя не выразить сожаление, что наша наука почти не имеет исследований об истории советской этнографии, в особенности об истории ее теоретической мысли, в отличие от сравнительно многих разработок, касающихся истории современной западно-европейской и американской этнографии.

Но в целом советская этнография активно противостояла отказу от историзма в западной этнологии. Хорошо известны имена крупных советских ученых, труды которых внесли существенный вклад в изучение истории формирования этнических культур народов мира — С. П. Толстова, А. П. Окладникова, С. В. Иванова, М. Г. Левина, Л. П. Поталова, Б. А. Рыбакова, М. В. Крюкова и др. Но, как уже отмечалось выше, в последние десятилетия в советской этнографии интерес к такого рода исследованиям заметно снизился, хотя в этой области и выполнено несколько ценных работ. Среди последних особо хочется отметить оригинальный и очень интересный труд В. М. Батчаева, посвященный основным проблемам генезиса этнической культуры балкарцев и карачаевцев¹⁶.

Применяемые советскими исследователями методы изучения этнокультурогенеза отвергают наиболее слабую сторону эволюционизма — представление об однолинейности культурно-исторического процесса, о его развитии только от простого к сложному (развитие может быть и многолинейным; испытывать значительное влияние диффузий; идти не только от простого к сложному, но и наоборот, а чаще — в сочетании того и другого; внешне сходные явления могут иметь не только общее, но и различное происхождение и разные функции и т. д.)¹⁷.

В советской этнографии имеются существенные достижения в разработке и применении сравнительно-исторического метода, играющего основную роль в изучении генезиса этнических культур и отдельных их компонентов, в том числе в реконструкции их архетипов, т. е. наиболее древних, исходных форм и их последующей эволюции. Этот метод основывается на представлении об историческом развитии всех форм народной культуры, подчиняющемся ряду общих закономерностей. Это развитие протекает неравномерно как в результате внутренних (эндогенных) процессов, обусловленных прежде всего социально-экономическими факторами, так и диффузий — влияния культур других этносов. Одна часть новаций, проникших извне, вскоре отмирает, другая — органически входит в культуру и участвует в ее дальнейшем генезисе (основные факторы: функциональные потребности, экология, стереотипы традиций). Новации эндогенного и экзогенного (диффузного) происхождения, вошедшие в культуру в определенные исторические эпохи, и участвующие в ее дальнейшем генезисе, образуют историко-генетические слои. Они могут быть выявлены лишь на основе сравнительно-исторического анализа и имеют как относительную, так и абсолютную хронологию. Применение сравнительно-исторического метода предполагает также проведение сравнительно-типологического анализа как на синхронном, так и на диахронном (историческая типология) уровнях.

Изучение генезиса и эволюции этнических культур невозможно не только без выявления их историко-генетических слоев и без учета в этом процессе экологических факторов, но и роли хозяйственно-куль-

¹⁵ Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на земле. Основы этногеографии. М.; Л., 1928.

¹⁶ Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.

¹⁷ Отметим также и то обстоятельство, что «классические» эволюционисты почти не обращались даже к важнейшим проблемам генезиса этнических культур, а изучали главным образом первобытную культуру и ее пережитки у современных народов.

турных типов в целом. Совершенно очевидно, что изучение происхождения и эволюции этнических культур и их компонентов необходимо вести наряду с исследованием генезиса отдельных межэтнических форм народной культуры, так как развитие первых теснейшим образом связано с общими и частными процессами культурогенеза.

Я не буду здесь останавливаться на методике такого рода исследований, которая была применена мною в ряде работ¹⁸. Укажу лишь, что методика культурно-генетических исследований требует дальнейшего совершенствования, в частности, улучшения методов относительной и абсолютной хронологизации историко-генетических слоев традиционно-бытовой культуры, методов комплексного использования, наряду с этнографическими, археологическими, письменными, лингвистическими антропологическими и других источников. Недостаточно исследованы и общие закономерности генезиса этнических культур, в частности, роль в этих процессах взаимодействия субэтнических и суперэтнических компонентов культуры, сформировавшихся в условиях различных хозяйственно-культурных типов. Для расширения источниковедческой базы культурно-генетических исследований нужны и новые методы сбора полевых материалов в современных условиях¹⁹.

Таковы несколько замечаний в связи с моим пониманием предмета исторической этнографии и проблем ее культурно-генетического направления.

¹⁸ См. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии//Сов. этнография. 1970. № 6. 1971. № 5; *его же*. Проблемы генезиса тувинской народной культуры//Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста 1972; *его же*. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии//Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук [Чикаго]. М., 1973; *его же*. Проблемы истории жилища кочевников Азии//Сов. этнография. 1976. № 1; Роль экологических факторов в этнокультурогенезе//Тезисы докладов XIX Тихоокеанского научного конгресса. М., 1979. II; *его же*. История народного искусства Тувы. М., 1974; *его же*. (в соавторстве с М. В. Крюковым). Седло и стремя//Сов. этнография. 1984. № 6; *его же*. О некоторых закономерностях генезиса этнических культур//Генезис и эволюция этнических культур в Сибири. Новосибирск, 1987.

¹⁹ См. Вайнштейн С. И. Культурно-генетическое направление в этнографии и полевые исследования//Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984—1985 годов. Тезисы докладов. Йошкар-Ола, 1986.

Г. Е. Марков

ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЗМ

Статья Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе общественных наук, школы, методы» продолжает начавшееся еще в 1920-х годах обсуждение целей, задач и существа советской этнографии, ставит ряд больших и актуальных проблем и предлагает пути их решения в связи с насущными задачами современности. В кратком отклике нет возможности рассмотреть все затронутые вопросы, тем более что большинство содержащихся в статье выводов не вызывает принципиальных возражений. Поэтому остановимся лишь на том, что представляется дискуссионным и требует, на наш взгляд, дальнейшего обсуждения.

Обратимся прежде всего к вопросу о месте этнографии в системе общественных наук, ее объекте и предмете, исследовательских задачах.

Совершенно справедливым представляется положение о том, что основным объектом этнографической науки является народ. Но то, что народ отождествляется с этносом, верно, на наш взгляд, только до известной степени, так как характеристика современного народа не может ограничиваться только его этническими признаками. Акцент на последние сводит, как можно думать, предметную область этнографии преимуще-